

Эволюция партизана как социально-политического феномена

К «теории партизана» К. Шмитта

© Остроменский М. П.

© Ostromensky M.

Эволюция партизана как социально-политического феномена.

К «теории партизана» К. Шмитта

Evolution of partisan as a kind of social and politic phenomenon.

Concerning the “partisan theory” of K. Schmitt

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза, по которой партизан как социально-политический феномен возникает как один из вариантов решения частным лицом проблемы принятия политического решения в условиях правовой неопределенности на оккупированной территории. Такие критерии партизана, как теллуричность и политическая мотивированность, образуют взаимосвязанную пару с отрицательной связью. Их соотношение определяет эволюцию партизана, к настоящему моменту прошедшую четыре стадии, которым соответствуют четыре типа партизан. Даны краткие характеристики каждого типа. Указаны принципиальные отличия партизана и террориста.

Annotation. The article contains the hypothesis that the partisans as a kind of socio-political phenomenon is caused by an individual resolution for itself “problems of the decisionism” — political answer in the context of legal uncertainty in the occupied territory. Criteria of a partisans, such as the partisans telluric and political motivation, form an interconnected pair of negative communication. Their ratio determines the evolution of the partisans. To date, they last four stages, which correspond to the four types of partisans. Given a brief description of each type. Shown fundamental differences partisan and terrorist.

Ключевые слова. К. Шмитт, теория партизана, понятие «политического», дещезионизм, «цветные революции», терроризм.

Key words. C. Schmitt, the theory of the partisan, the concept of “political”, detsezionizm, “color revolutions”, terrorism.

I

Выдающимся немецким юристом и политическим философом Карлом Шмиттом при создании теории дещезионизма¹ [12] и разработке понятия «политического» [13; 14. С. 301] были предварительно сфор-

ОСТРОМЕНСКИЙ Михаил Петрович — начальник отдела экономического развития и трудовых отношений администрации Ленинского района г. Новосибирска.

¹ Теория дещезионизма — разрабатываемая К. Шмиттом теория происхождения суверенитета, согласно которой сувереном является тот, кто способен принимать окончательное политическое решение в условиях правовой неопределенности, т. е. когда правовые нормы не действуют или не способны разрешить политические проблемы.

мулированы основные положения так называемой теории партизана [14. С. 301]. Он предложил рассматривать партизана как вооруженного политического бойца, удовлетворяющего следующим критериям: политическая мотивированность действий; теллуричность — связь с землей, народом, традицией; мобильность; иррегулярность — отсутствие определяющей, контролирующей и организующей зависимости от государства [14. С. 301]. Однако К. Шмитт не прояснил суть действий личности при принятии ею решения о начале партизанской активности, а лишь затронул вопрос эволюции партизана как социально-политического феномена в процессе его реального бытования.

К. Шмитт² оставил исследование социально-политического феномена партизана на ситуации 1963 г. (из интервью философа 1969 г. на ту же тему видно, что «теория партизана» более не находилась в фокусе его размышлений). Но партизан как социально-политический феномен продолжал жить. Он эволюционировал, развивался и превратился в одну из мощнейших сил, влияющих на конфигурацию мировой политики последней трети XX в. Кубинская революция, движения за освобождения народов от колониального правления в Африке и Азии, партизанские движения Латинской Америки, радикальные партизанские организации в Европе и США 1960—1980-х гг., деятельность «Джамбори» и организаций, в нее входящих, Афганская война, «цветные революции» и партизаны эпохи глобализации сыграли немаловажную, а иногда и определяющую роль в формировании современного социально-политического облика мира.

Понятие «политического» — одно из центральных в исследованиях К. Шмитта и важнейший инструмент осмысления современных политических процессов [2. С. 85—94], в том числе и социально-политического феномена партизана. Политическое, по К. Шмитту, есть отдельная область «человеческого мышления и действия» [13], скажем, рефлексии и практики — такая же, как экономическое, моральное, эстетическое и т. д. Оно имеет свои специфические политические категории, «последние различения», как говорит К. Шмитт. И если «в области морального последние различения суть “доброе” и “злое”; в эстетическом — “прекрасное” и “безобразное”; в экономическом — “полезное” и “вредное” или, например, “рентабельное” и “нерентабельное”...», то «специфически политическое различение, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различение друга и врага» [13]. Далее он указывает: «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различение может существовать теоретически и практически независимо от того, используются ли одновременно

² Шмитт, Карл (1888—1985) — немецкий юрист, философ и политический теоретик. Активное сотрудничество с лидерами Третьего рейха создало неоднозначную репутацию этому лицу и его концепциям политической власти и политического насилия. Тем не менее труды К. Шмитта оказали большое влияние на последующее развитие политической теории, теории права, европейской философии и политической теологии XX — начала XXI в. — *Прим. ред.*

все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия. ...Он [враг] есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором “непричастного” и потому “беспристрастного” третьего» [13].

II

Партизан как социально-политический феномен появляется в ситуации политико-правовой неопределенности, возникающей на оккупированной территории государства в процессе вооруженного конфликта суверенов.

Сам партизан в начальный момент представляет собой обычное гражданское лицо, ранее жившее на ныне оккупированной территории, которое удовлетворяло старое, довоенное политическое устройство государства и которое подчинялось легитимному и легальному своему суверену. Это гражданское лицо не предпринимало никаких противоправных действий (причем с точки зрения обоих суверенов — участников вооруженного конфликта). Оно жило до войны и живет в оккупации в той же местности и занимается прежним мирным делом. Это лицо даже не было призвано в армию. Однако теперь оно оказалось под властью нового политического актора, с которым его не связывают иные регулярные отношения, кроме факта насильственного захвата последним территории проживания данного гражданского лица. Но сам этот факт — оккупация — отнюдь не обуславливает не только легальность, но и легитимность новой власти в глазах населения. Особенно в условиях еще продолжающейся войны, когда даже с формально-правовой точки зрения окончательно вопрос о суверене еще не решен. Потому здесь явно существует ситуация неопределенной политической легитимности власти, и теперь у жителей оккупированных земель имеется три варианта действий³.

Первый: активная поддержка оккупационной власти — коллаборационизм. Ярчайшими представителями данной категории является маршал Анри Филипп Петен во Франции и генерал-лейтенант Власов в СССР. *Второй:* пассивно дожидаться окончания противоборства суверенов и, подчинившись, принять его результаты как данность. *Третий:* в условиях политико-правовой неопределенности произвести политический выбор (определить для себя политических «друзей» и «врагов»), начать вооруженную политическую борьбу за возврат к традиционному мироустройству, став партизаном. Первый и третий делают, по Ш. Муфф, политический выбор [11], иначе, становятся политическими акторами.

³ Понятно, что поведение реальных личностей распределяется по всему спектру от полного искреннего принятия оккупационной власти как нового суверена и до абсолютного отвержения бытия всех несогласных с переходом к тотальному террору.

Таким образом, партизан как социально-политический феномен возникает вследствие самостоятельного решения частного лица — начать вооруженную политическую борьбу в условиях неопределенной политико-правовой легитимности оккупационной власти. Другими словами, партизан — это частное лицо, решившее для себя «проблему децизионизма» [12], — принятия политического решения в условиях неоднозначной легитимности власти. По Шмитту — в условиях «серьезного положения», т. е. когда имеется потребность введения чрезвычайного положения (оно здесь уже присутствует по факту оккупации и продолжающейся войны) для урегулирования неправовой экстраординарной ситуации, при которой обычные правовые механизмы в государстве перестают работать должным образом и не обеспечивают эффективного управления. Партизан же своим решением пытается возобновить старый порядок, уменьшить политическую неопределенность, скорее даже возвратить политическую привычность, вернуть легитимность прежней власти. Причем на эти действия он сам себя уполномочивает.

При этом происходит принятие частным лицом политического решения на высочайшем уровне политической субъектности: «*ius gladii*» («право меча») и «*ius belli ac pacis*» («права войны и мира») — всегда относимые к исключительным правам суверена. Важно, что такой вывод нам позволяет сделать в том числе и неоднократно высказываемая самим К. Шмиттом мысль о теснейшей связи суверена в первую очередь с личностью, а не с институтом, мысль о важности элемента персонификации и воли в действии конкретного индивидуума [10].

Однако партизан, хотя совершает действия как суверен, тем не менее не имеет своего собственного регулярного политического [14. С. 301]. Эту роль для партизана выполняет регулярное политическое прежнего суверена, которому он остается верен. По сути, вооруженная борьба партизана является борьбой за десоверенизацию его как суверена, каковым он стал по факту начала самостоятельной вооруженной политической борьбы. Иначе, партизан борется за возвращение условий, в которых ему не будет необходимости принимать действительные политические решения и делать настоящий серьезный политический выбор, условий, в которых бы он мог вернуться к своей прежней партикулярной жизни.

Такая особенность партизана предопределяет его политическую идеологическую слабость и чрезмерную подверженность манипуляциям со стороны политических акторов, обладающих своим собственным регулярным политическим, что опосредует характер эволюции партизана. Такой «третий» актор способен дать и дает партизану свое собственное политическое. Тем не менее партизан, поскольку он выступил как политический актор, способен самостоятельно производить для себя конечную политическую дефиницию — определять своих действительных политических «друзей» и «врагов».

Появление партизана на сцене противоборства суверенов лишь усугубляет политическую ситуацию взаимоотношения противников в войне и ухудшает политическое, а часто и военное положение оккупанта. Неопределенность политической ситуации в целом усиливается. Для ее

снижения и введения партизана в стандартное политико-правовое поле требуется скорейшая легитимация его статуса как одной из сторон конфликта [1. С. 350—356]. В этом обычно заинтересован суверен — «друг» партизана и не заинтересован суверен — его «враг».

Так обстояло дело с русскими партизанами времен наполеоновских войн, когда французы официально требовали прекратить войну «не по правилам». Так обстояло дело с ливийскими противниками Муамара Каддафи и сирийскими борцами с правительством Башара Асада. И те, и другие на момент их срочного признания отдельными государствами представляли собой разрозненные группы мятежников, не имевших ни единого руководства, ни общей позитивной политической цели. Они были интересны только своим непримиримым отношением к существовавшему в этих странах политическому и согласием по-настоящему воевать против существовавшего регулярного, т. е. государства. Зато их международная легитимация и легализация, даже частичная, позволили заинтересованным государствам взаимодействовать с ними как с легальной стороной конфликта. Таким образом, эти государства получили законную возможность предоставлять партизанам финансовую и материальную помощь.

Однако эти быстрые решения не привели к возникновению у конгломерата партизанствующих организаций собственного регулярного политического (Ливия), либо появилось нечто очень специфическое (запрещенное в РФ «Исламское государство» — ИГ).

III

Все предложенные К. Шмиттом критерии отнесения воюющего лица к партизанам (политическая мотивированность, теллуричность, мобильность и иррегулярность) опосредованы и предопределены рассмотренным выше политическим решением индивидуума начать личную политическую вооруженную борьбу. Эти критерии предлагается сгруппировать в две комплементарные внутри пары: основные критерии, или достаточные, — теллуричность и политическая мотивированность — и дополнительные критерии, или необходимые, — иррегулярность и мобильность.

Критерии внутри первой пары суть признаки партизана, представляют собой систему с отрицательной обратной связью, когда увеличение значимости одного критерия приводит к уменьшению другого. Так, с ростом политической мотивированности партизан происходит снижение значения для них теллуричности и наоборот. Соотношение элементов внутри этой группы критериев и определяет характер партизанских движений, на что опосредованно указывали как сам К. Шмитт, так и ряд других авторов [1. С. 350—356; 14. С. 301]. Теллуричность и политическая мотивированность — обязательные признаки, наличие обоих позволяет нам отнести данный социально-политический феномен к партизанам и отличить их, например, от террористов. У последних критерий теллуричности совершенно отсутствует; для партизана он необходим, хотя

бы и в малой степени. Эти критерии могут присутствовать и у бойцов регулярной армии — но для них не являются обязательными.

Критерии второй пары, иррегулярность — мобильность, напротив, составляют систему с положительной обратной связью. Рост иррегулярности влечет за собой рост мобильности, тогда как рост мобильности подстегивает иррегулярность. Изменения в этой дополнительной группе (мобильность — иррегулярность) не имеют следствием качественные перемены, поскольку оба являются неотъемлемыми характеристиками, присущими партизану как таковому. Однако эти перемены существенно влияют на реальные действия партизанских движений и типы партизан. Оба этих критерия имеются и у террориста, но позволяют дифференцировать партизана и бойца регулярной армии.

Итак, изменения в первой, основной паре критериев (политическая мотивированность — теллуричность) влекут за собой изменения (эволюцию) в характере и «основной движущей силе» партизанских движений.

На наш взгляд, в настоящее время можно выделить четыре стадии такой эволюции и соответствующие им четыре типа партизан [8. С. 152—172; 9], опосредованные ростом политической мотивированности и уменьшением теллуричности — связи с землей и Родиной, а именно:

1. *Классический партизан*, отличающийся преобладанием в своих побуждениях теллуричности. Он защищает родную землю и традиционный уклад жизни от вторжения чужого. Регулярным политическим в этом случае для партизана будет его родное государство. Суверен классического партизана — суверен этого «старого» государства. Классический партизан даже не помышляет о смене традиционного регулярного политического, тем более о своем собственном политическом. Он не рефлексировал по этому поводу. Он становится политическим бойцом по факту начала самочинной вооруженной борьбы, но сия политическая новация им не осмысливается.

В этом своем умственном настрое такой партизан близок к тред-юнионистам — как их понимали марксисты. Фридрих Энгельс в письме к Эдуарду Бернштейну в Цюрих от 17 июня 1879 г., в частности, отмечал: «Тред-юнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно, и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как класса» [15. С. 295]. Аналогично, классический партизан исключает на уровне своего сознания участие в политической деятельности как таковой. Политизированность классического партизана обусловлена политизированностью целей противника, от которой она суть производная; а его политическое суть политическое его суверена, которому он остается верен, порою даже в случае исчезновения того как самостоятельного политического актора. Таков случай, например, испанских герильяс, развернувших партизанскую войну уже после капитуляции правительственных войск королевской Испании, т. е. после формальной и фактической смены суверена.

Классический партизан с радостью избавляется от «бремени суверена» при благополучном окончании войны и возвращается в свое естест-

венное довоенное состояние. Примеры классических партизан — партизаны периода Смуты на Руси в XVII в., испанские герильяс и русские партизаны эпохи Наполеоновских войн, возможно, шотландские горцы периода борьбы за возвращение Стюартов на трон «Четырех корон», партизаны Аугусто Сандино начала XX в., партизаны Второй мировой войны, партизаны последнего периода американско-филиппинской войны (после 1902 г.), афганские партизаны времен борьбы с советскими войсками (1979—1989), особенно на начальном этапе противостояния, и др.;

2. *Революционный партизан*. Он аттестуется увеличением в своей мотивации политической составляющей за счет потери теллуричности при соблюдении между ними некоторого баланса.

Регулярное политическое такого партизана наполняет партийная революционная организация, взявшая на вооружение политический революционный миф о лучшей доле. Именно она и призывает партизана к войне и теоретически обосновывает право партизана на вооруженную борьбу — миф о праве народа на восстание. По сути, революционный партизан — классический партизан, обретающий или создающий собственное регулярное политическое. Но здесь у партизана еще остается крепкая связь с родной землей, — в противном случае оказывается подвешенным и теряет смысл миф о восставшем народе.

По сути, революционный партизан — классический партизан, обретающий или создающий собственное регулярное политическое. Но здесь у партизана еще остается крепкая связь с родной землей, — в противном случае оказывается подвешенным и теряет смысл миф о восставшем народе.

Политическое такого партизана территориально привязано к прежнему политическому «старого» государства. У революционного партизана его действительный противник, с которым он ведет непосредственную войну, находится внутри родного государства. Даже если при этом говорится о борьбе с «американским» или «мировым» империализмом.

Именно здесь кроется возможность конфликта между разными типами лидеров революционных партизан после победы. Часть из них, более радикально настроенная, политически мотивированная, желает продолжить борьбу за революционный идеал, считая победу внутри своего государства лишь первым этапом борьбы за торжество большой революционной идеи — их личной идеи. Другая часть, более теллуристическая, социально мотивированная, не хочет продолжения столь же

активного действия и предпочитает более умеренную политику, полагая сосредоточить усилия на внутригосударственном обустройстве.

Ярким представителем первой категории является Л. Д. Троцкий с его лозунгом «перманентной революции». Впрочем, политизированность вообще характерна для настоящих марксистов, ибо вытекает из постулатов их теории о всеобщности (глобальности) революции.

К этой же категории радикалов относится Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна (Че Гевара). Думается, его внутреннее нежелание разочаровываться в своем кумире — Фиделе Алехандро Кастро Русе, более теллуристически настроенном или большем реалисте, с одной стороны, и умная, прагматичная тактика последнего, понимавшего, что людям типа «Команданте Че» необходима постоянная борьба, и они не созданы для мирной жизни, с другой, явились причиной внезапного «бегства» Че Гевары сначала в джунгли Конго, а затем в боливийскую сельву и столь значительной и последовательной помощи ему со стороны Фиделя. Последний, таким образом, смог канализировать энергию людей типа Че Гевары и вывести их за пределы Кубы, тем самым существенно стабилизировав новую власть — сделав ее более однородной и избежав значительных внутрисистемных эксцессов.

По сути, Че Гевара — один из первых реально действовавших партизан четвертого, глобалистского типа. «Миссия» же обычного революционного партизана добровольно заканчивается с учреждением им «нового» государства с новым сувереном на месте «старого» государства и прежнего суверена.

Примеры партизанских движений революционного типа — махновцы, китайские партизаны 1927—1949 гг., вьетнамские партизаны периода 1940—1973 гг., кубинская партизанская революция 1956—1959 гг., партизанские армии МПЛА и УПА в Анголе, «Фронт освобождения Мозамбика», партизанская война в Гватемале 1960—1996 гг., «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти» в Сальвадоре, «Сандинистский фронт национального освобождения» и «Никарагуанские демократические силы» в Никарагуа, курдские партизанские организации Турции, Ирака, Сирии и Ирана, «Сапатистская армия национального освобождения» в Мексике периода 1983—1994 гг., «Народный фронт за освобождение Сегьет-эль-Хамра и Рио-дель-Оро» (ПОЛИСАРИО) Западной Сахары в период 1973—1979 гг., «Фронт Национального освобождения» Алжира в период 1954—1962 гг. и огромное количество других так называемых народно-освободительных движений 1950—1980-х гг., сочетавших в своих идеологических программах преимущественно левые взгляды с борьбой против властей собственного государства или метрополии. Интересно, что сюда же, скорее всего, можно отнести афганское движение «Талибан» времен муллы Омара (по крайней мере до его поражения в войне 2001 г. с США), «Техрик-е Талибан Пакистан», а также «антиреволюционный» «Умконтто ве сизве» в ЮАР до 1991 г.

3. *Партизан «третьей силы».* Здесь происходит дальнейший рост политической мотивации партизана при продолжающемся падении его теллуричности. Особенностью этого типа партизан является предопре-

деление их политической мотивации внешней, не связанной с родной землей партизана «третьей силой» [14. С. 301]. Именно она исполняет в этом случае роль суверена, поэтому происходит фактический разрыв партизана не только со страной, но и с ее историей, хотя эмоционально он продолжает быть зависимым от них и ограничивает свою борьбу территориально — «родным» государством, персонально — «старым» сувереном. Для партизана третьего типа даже более, чем для революционного партизана, необходима внешняя связь со страной и народом, иначе невозможно будет опираться на миф о «восставшем народе» — миф для него центральный, идеологический, мобилизующий.

Можно сказать, что это — искренний революционный партизан, но полностью контролируемый акторами извне его государства, действующий исключительно в их целях, имеющих свое собственное политическое, не связанное с теллуричностью партизана. Партизаны «третьей силы» собственного самостоятельного политического наполнения не имеют. Здесь оно дается «третьей силой». Такой партизан считает свою «работу» завершенной после установления на месте прежнего государства — нового, с политическим устройством по желанию «третьей силы». Обычно сувереном в этом государстве фактически так и остается «третья сила», идейно и финансово формировавшая партизана. Хотя внешне все может выглядеть, как создание нового независимого государства или глубокое преобразование старого. Евромайданные организации на Украине есть рафинированный пример партизана третьего типа. Другими подобными партизанскими движениями являются все организации, осуществлявшие «цветные революции»: «Отпор!», «Кмара», «Пора!», «Відсіч», «Оборона», украинские организации Майдана 2004 г., часть партизанских движений, борющихся с президентом Башаром аль-Асадом в Сирии, — таких, как Сирийская свободная армия (ССА).

Важно, что абсолютное большинство успешных партизанских движений настоящего типа есть городские партизаны. Тогда как успешные партизанские движения первых двух типов — исключительно сельские.

Отсюда следует, что методы ненасильственной политической борьбы [7; 11], используемые «цветными движениями», суть партизанские методы. Организации, устраивавшие «цветные революции», суть партизанские организации. Сами такие революции происходят в форме городской партизанской войны, городской герильи нового типа. Значит, *и методы борьбы с «цветными революциями» должны быть идейно и методологически близки к применяемым в борьбе с партизанами.*

Заметим, что поскольку политическое партизан рассматриваемого типа соответствует политическому «третьей силы», то и найти с ними внутригосударственный политический компромисс не представляется возможным, т. к. для него отсутствует общая база. Например, такие партизаны воспринимают правительство, с которым ведут борьбу, как политического врага, действительно чужого и не собираются выполнять обязательства, вытекающие из достигнутых договоренностей. Все «цветные» движения поступали именно так. Показателен последний опыт Януковича, свергнутого на следующий день после подписания соглаше-

ния о политическом перемирии и начале политических преобразований практически на условиях Майдана.

4. «Алькаидский» тип, или тип партизан «эпохи глобализма» характеризуется почти полным растворением теллуричности партизана в его политической мотивации. Партизан превращается в вооруженного бойца политической организации, совершенно уже не связанного с землей, с родиной и даже вообще с каким-либо государством, т. е. с каким-либо прежним регулярным политическим. Он действует на всей территории планеты. Сувереном для такого партизана всегда будет внетерриториальная партизанская революционная организация, иногда лишь только ее идея. Вспомним многочисленные примеры «присяги на верность ИГИЛ» со стороны разнообразных исламских вооруженных организаций по всему миру. У четвертого типа партизана почти полностью отсутствуют хронологические характеристики.

В своей борьбе этот партизан не имеет конкретных позитивных политических целей. Его задача — разрушение всего существующего регулярного, поскольку единственное политическое для него — он сам. Он ведет абсолютную войну со всем миром. В действительности это уже не политический, а аполитический боец [3]. Несмотря на то, что его политическая мотивация поглотила теллуричность, доведенная до Абсолюта, она исчезает. Вместе с политической мотивацией исчезают и политические враги, ставшие абсолютными. Для такого партизана нет необходимости в политическом враге, ибо для него враг — все и вся. В крайнем случае он вообще перестает различать друга и врага [4. С. 158—171]. По сути, это доведенное до своего предела воплощение чистого революционного партизана. Однако он все еще партизан, а не террорист.

И здесь полезно указать на принципиальное отличие первого от последнего, которое заключается в пусть рудиментной, но вполне осязаемой сохраняющейся теллуричности партизана. Да, террорист обладает и мобильностью, и иррегулярностью и характеризуется крайней политической мотивированностью своих действий; но все это характеризует и партизана. И тем не менее для террориста не имеет значения аборигенное население — он действует во имя радикальной абстрактной идеи. Поэтому все вокруг него должно быть приведено в соответствие с этой «утопией».

Партизан же «алькаидского» типа, несмотря на свою всепоглощающую политическую мотивированность, «вышел из народа», а его политическая идея, хоть и радикальна, но не абстрактна и явно имеет корни в его теллуричности. Он не порвал до конца со средой, из которой вышел. Это хорошо видно на примере ИГ. Да, в его рядах воюет значительное количество людей, совершенно чуждых исламу; но тем не менее это чисто исламское образование, питаемое рядом извращенных исламских идей, которое не может возникнуть нигде, кроме как на территории, имеющей укорененные исламские традиции. Да и распространиться не может нигде, кроме как среди населения, культурно усвоившего ислам.

Напротив, для террориста не имеет никакой роли привязанность к земле, народу, религии, традиции и т. п. формам идентичности и диф-

ференциации. Он направлен на абсолютную политическую цель в борьбе с абсолютным личным политическим врагом. Его мотивирует даже не организация, а «дело», «идея», «высшая цель». Террористические организации внациональны и внерелигиозны, но не внеполитичны. И если партизана трудно представить не только одиночкой, но и без связи с территорией, этносом, верой, с какой-либо идеей, имеющей корни в ежедневном, в том числе историческом его, партизана, бытовании, то террорист по своей сути — одиночка и индивидуалист. Он эгоист в крайней степени. Для него не имеют значения среда, средства и страдания ни его самого, ни его окружения при движении к цели. Именно здесь и пролегает граница между террористом и партизаном.

Примеры партизанских движений четвертого типа — «Аль-Каида», значительная часть партизанских движений, воюющих в Сирии, таких, как запрещенные в России организации «Джабхат ан-Нусра» и, конечно, «Исламское государство» (ИГ), а также паназиатская «Джамаатт ут-Дава», ранее действовавшая под именем «Лашкаре-Тайба». С некоторыми оговорками сюда можно отнести и нигерийскую «Джамаату ахлис Сунна Ладдаавати валь-Джихад» («Боко харам»).

Из предложенной классификации следует предварительный вывод: только классический партизан есть плод естественной реакции нации на внешнюю политическую опасность. Он органичен нации, его породившей. Его цели есть производные от системы смыслов нации [6]. Они суть восстановление власти прежнего суверена и скорейшей ликвидации «чрезвычайного положения». Остальные типы партизан — конструкторы. Чем дальше партизан отстоит от классического типа, тем дальше и призрачней его «право на восстание». У четвертого типа остается лишь оболочка партизана, но содержание абсолютно иное, чуждое духу партизанского движения, которому только связь с родной землей и дает моральное право брать в руки оружие. Этот же партизан находит основания для одного исключительно в факте своей политической чрезвычайной вовлеченности. Его можно назвать «политическим разбойником».

Первые два типа партизана, пусть и неявно, указывались еще К. Шмиттом [14. С. 301]; на изменение же характера партизанских движений в эпоху глобализации обращали внимание многие авторы, в частности Ален де Бенуа [3].

Литература

1. **Артамонов С. В.** Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. История и политология. 2009. Вып. 7(75). — <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-politicheskogo-v-konservativnoy-publitsistike-karla-shmitta> (дата обращения: 18.04.2016).
2. **Афанасьев В. В.** Карл Шмитт: Общество и государство // Социология. 2012. № 2. — http://istina.msu.ru/media/publications/article/17f7fa/2656838/soc_mag-2_2012.pdf (дата обращения: 18.04.2016).
3. **Бенуа А.** Карл Шмитт сегодня. М. : Издательство Института общегуманитарных исследований, 2013.
4. **Михайловский А. В.** Борьба за Карла Шмитта. О редукции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9.

5. **Муфф Ш.** Политика и политическое. — http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_1/6.pdf (дата обращения: 18.04.2016).
6. **Остроменский М. П.** Смыслы, язык и ценности народа. — <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/45057/> (дата обращения: 18.04.2016).
7. **Остроменский М. П.** Философия, теория и методы ненасильственной политической борьбы по Джину Шарпу. — <http://oko-planet.su/politik/politwar/86002-filosofiya-teoriya-i-metody-nenasilstvennoy-politicheskoy-borby-po-dzhinu-sharpu.html> (дата обращения: 18.04.2016).
8. **Остроменский М. П.** Эволюция партизана: от Ивана Сусанина до Усамы бен Ладена // Развитие и экономика. 2015. № 12.
9. **Остроменский М. П.** Эволюция партизана. Партизаны Новороссии. — <http://dev.ec.ru/politika/ukraina/1774-mihail-ostromenskij-evoljutsija-partizana-ii-partizany-novorossii.html> (дата обращения: 18.04.2016).
10. **Рахшмир П. Ю.** Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь : Издательство Пермского ГУ, 2001.
11. **Шарп Д.** От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. — http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (дата обращения: 22.05.2016).
12. **Шмитт К.** Политическая теология. М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
13. **Шмитт К.** Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. — <http://www.read.virmk.ru/h/Shmitt.htm> (дата обращения: 18.04.2016).
14. **Шмитт К.** Теория партизана. М. : Праксис, 2007.
15. Энгельс — Эдуарду Бернштейну // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М. : Издательство политической литературы, 1964. Т. 34. ◆